СЛОВА и РѢЧИ

Протоіерея П. А. МИРТОВА.

Безплатное приложеніе къ журналу ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВѢСТЪ за 1914 г.

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія Александро-Невскаго О-ва трезвости, Обводный, 116,
1914.

Вмѣсто предисловія.

И составъ, и происхожденіе настоящаго сборника опредѣлились совершенно случайно. Онъ является отвѣтомъ на настойчивыя просьбы благосклонныхъ слушателей, пожелавшихъ видѣть мое устное слово въ печати, въ отдѣльно изданномъ сборникѣ. Но, къ сожалѣнію, тѣ проповѣди, которыя показались моимъ слушателямъ наиболѣе задушевными, а потому были и наболѣе удачными по своему воздѣйствію на аудиторію, не вошли въ составъ этого сборника. И это по той простой причинѣ, что у меня не было времени ихъ записать. По особымъ условіямъ моего служебнаго положенія я призванъ проповѣдывать почти ежедневно, а въ воскресные и праздничные дни количество произнесенныхъ за день проповѣдей иногда возрастаетъ до 4 и 5. При постоянной текучести наплывающихъ и смѣняющихъ другъ друга новыхъ образовъ, конечно, создается очень неблагопріятное условіе для того, чтобы сказанное разъ слово удержалось въ памяти и сознаніи въ своей первоначальной формѣ,

дабы быть возстановленнымъ потомъ „во время благопріятное“.

Поэтому составъ настоящаго сборника пришлось ограничить прежде всего тѣми проповѣдями, которыя были произнесены по оффиціальному назначенію и подлежали предварительной цензурѣ епархіальной власти, куда они представлялись по необходимости въ записанномъ видѣ, а потомъ тѣми, которыя удалось возстановить по случайнымъ записямъ нѣкоторыхъ моихъ благосклонныхъ слушателей. Такъ какъ при этомъ большая часть проповѣдей возстановлялась по записямъ во время печатанія самаго сборника, то поэтому въ размѣщеніи ихъ отсутствовала какая-либо система и оно имѣло совершенно случайный характеръ.

Пусть указанныя условія происхожденія настоящаго сборника хоть нѣсколько оправдаютъ передъ судомъ читателей и смѣлость изданія его, и часть тѣхъ недостатковъ, которые, несомнѣнно, будутъ замѣчены въ этихъ слабыхъ опытахъ моего проповѣдническаго слова.

Протоіерей *Петръ Миртовъ.*

Петроградъ, Обводный, 116.
1914. XII. 16.

Царь и народъ.

(Рѣчь, произнесенная по прочтеніи Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей передъ молебномъ на Варшавскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ 20-го іюля 1914 г.).

„Господи силъ, съ нами буди".

Точно взмывшая внезапно на ясномъ небѣ туча и вдругъ, среди тихаго лѣтняго дня, раздавшійся изъ нея ударъ грома—прозвучала для всѣхъ насъ неожиданно вѣсть боевая, такъ нарушившая спокойное теченіе нашей мирной обывательской жизни. И знаменательно, что эта грозная вѣсть о войнѣ объявляется намъ въ день гремящаго пророка Божія Иліи, грознаго обличителя неправдъ человѣческихъ.

Мы выслушали сейчасъ и Державное, Царское слово о ней. Царь изрекъ его вслухъ всего русскаго народа... Въ немъ, какъ отецъ дѣтямъ, повѣдалъ Онъ всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, что для Русской земли насталъ *„грозный часъ испытанія"*, и что *„Россія, поднявшись, какъ одинъ человѣкъ, должна отразить дерзкій натискъ врага"*. И разнесется теперь эта вѣсть боевая по всей Руси святой отъ края и до края... И то, что въ художественномъ озареніи своемъ какъ бы провидѣлъ нѣкогда нашъ отечественный поэтъ, сбудется, да и сбывается уже на нашихъ глазахъ. „Славянскіе ручьи сливаются въ русскомъ морѣ"... И оно,

неизсякаемое, родитъ одну за другой волны народнаго одушевленія и героическаго подъема. И покорная призыву Своего Монарха Русская Земля, раскинувшаяся на необъятное пространство, „отъ Перми до Тавриды, отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая, стальной щетиною сверкая", встаетъ уже съ величавымъ достоинствомъ и готовностью идти на дерзкаго врага. Какъ вспугнутая, какъ раненая орлица съ тревожнымъ клекотомъ и гнѣвнымъ крикомъ вьется надъ своимъ гнѣздомъ, готовая защищать его своей грудью до послѣдней капли крови, такъ и наша матушка-Русь съ болью въ сердцѣ, съ тревогою въ душѣ, но въ то же время съ глубокимъ сознаніемъ своего долга отдаетъ на защиту родной земли всѣ свои силы, всю свою мощь. И шлетъ она своихъ родныхъ сыновъ въ ту, по словамъ Государя, „единородную, единодушную, крѣпкую, какъ стѣна гранитная, армію", которую Онъ — Державный Вождь и Хозяинъ русской земли — Самъ же и „благословилъ сегодня на трудъ ратный".

Мы всѣ сознаемъ, что грядущая война таитъ въ себѣ много тяжкихъ испытаній, что она потребуетъ отъ страны напряженія всѣхъ ея силъ. Но великимъ утѣшеніемъ и ободреніемъ „въ грозный сей часъ" да послужитъ для насъ обѣтованіе, что *„не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ"*, что *„на начинающаго Богъ"*.

Не мы начали войну. Не мы первые обнажили мечъ. И, принимая брошенный намъ вызовъ, мы одушевляемся не преступной алчностью новыхъ завоеваній, не жаждой суетной славы, но ревностью о попранной врагами нашими правдѣ. Какъ нечестивый Ахавъ и без-

законная Іезавель во дни пророка Божія Иліи посягнули на сосѣдній съ ихъ владѣніями виноградникъ бѣдняка Навуфея и, убивъ его, отняли это *„наслѣдіе отцовъ его“* (3 Кн. Цар. 21. 3),— такъ и вѣроломная Австро-Венгрія, нарушивъ правду международныхъ отношеній, надругавшись надъ законами Божескими и человѣческими, съ ничѣмъ неоправдываемой дерзостью, простерла руку свою на маленькую сосѣднюю Сербію и хотѣла лишить ее политической независимости— этого дорогого для славянской страны отеческаго достоянія и историческаго наслѣдства. И Русь Св., поднимая сначала свой голосъ на защиту попираемой Австріей правды, а потомъ и мечъ на оборону предѣловъ своихъ отъ вторженія въ нихъ коварной Германіи, выступаетъ поистинѣ въ духѣ и силѣ Иліи, не только обличившаго беззаконниковъ, но предсказавшаго имъ грозную погибель, позорный конецъ.

Будемъ вѣрить, что не случайно знаменательное совпаденіе настоящихъ переживаній съ священно-историческими, библейскими воспоминаніями нынѣшняго дня. Въ туманъ неизвѣстнаго будущаго, въ загадочную темь грядущихъ событій не бросается-ли этимъ совпаденіемъ лучъ для насъ свѣтлой и отрадной надежды? Не предрѣшается-ли здѣсь пророчески и самый конецъ кровавой драмы, для насъ радостный, побѣдный, а для врага нашего позорный и постыдный? Не объ этомъ-ли и будемъ мы возносить сейчасъ свою молитву, собравшись здѣсь въ такомъ множествѣ?!

Неложно слово Господа: „взявшіе мечъ мечомъ и погибнутъ“. (Мѳ. 26. 52). Уже изъ поднявшагося повсюду народнаго воодушевленія видно, что направленный на насъ ударъ будетъ отраженъ съ

честью, достойною великаго народа. Будемъ надѣяться, что непріятельскій мечъ, съ такой самоувѣренной дерзостью извлекаемый врагомъ изъ ноженъ, разобьется о твердыню русскаго патріотизма, вспыхнувшаго повсюду съ такимъ яркимъ блескомъ, съ такой захватывающей силой. Какъ желѣзо, какъ сталь, ударяясь о твердый, неподатливый гранитъ, извлекаетъ изъ него цѣлый снопъ, цѣлый фонтанъ искрящихся фейерверкомъ огненныхъ брызгъ, такъ и жестокій ударъ врага не сокрушитъ нашей крѣпости, а лишь еще болѣе воспламенитъ богатырскую грудь нашего Ильи Муромца непобѣдимой любовью къ Царю и родинѣ.

Трогательно было наблюдать эту любовь и это единеніе Царя съ народомъ сегодня, передъ Зимнимъ дворцомъ, на площади, буквально залитой притекшими сюда со всѣхъ концовъ столицы народными потоками... При полномъ почти отсутствіи полиціи, громада въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ стояла стѣна стѣной и сохраняла образцовый порядокъ. Чувствовалось, что эту многотысячную толпу, слившуюся въ общемъ настроеніи, какъ монолитъ, сдерживаетъ не внѣшняя сила, но какая-то внутренняя узда, какое-то особое, могучее одушевленіе, подчиняясь которому, народъ терпѣливо выстоялъ болѣе трехъ часовъ, выжидая появленія Государя. И въ груди закипало непобѣдимое чувство мужества и отваги отъ сознанія, что это море головъ есть въ то-же время и безбрежное море народной любви и преданности своему Государю... И когда Онъ, какъ долго жданное красное солнышко, показался, наконецъ, на балконѣ, когда всѣ узрѣли Его свѣтлое лицо, на которое наша обще-

русская скорбь успѣла уже положить свою печать,— о, что тогда произошло?! Возможно-ли это описать и высказать человѣческимъ словомъ?! Точно могучій ураганъ ударилъ вдругъ въ самую грудь этого народнаго моря, коснулся его бездонныхъ глубинъ, всколыхнулъ ихъ и пронесся бурнымъ рокотомъ клокочущихъ волнъ... А когда Государь, въ отвѣтъ на народную ласку, склонилъ передъ ней свою вѣнценосную голову, какъ бы весь охваченный могучей стихіей народнаго восторга и любви, — то всплески этого моря достигли высшей своей силы. Они какъ бы хотѣли допрянуть до самаго подножія балкона, до Царственныхъ стопъ обожаемаго Монарха... И весь народъ, въ порывѣ благоговѣнія, точно нива, отъ сильнаго вѣтра пригнувшаяся до самаго корня, преклонился предъ своимъ Государемъ и колѣнопреклоненный долго, долго стоялъ на землѣ, съ умиленнымъ восторгомъ взирая и привѣтствуя своего *„Надежу Царя“*.

Сохранимъ же это настроеніе навсегда. Станемъ вокругъ престола плечо-въ-плечо и соединимся въ тѣсную братскую семью. Пусть въ каждомъ изъ насъ Царь найдетъ вѣрноподданнаго, готоваго положить за Него животъ свой.

Россія всегда сильна была своей вѣрой въ Бога, своей горячей народной молитвой и единеніемъ съ своими Государями. Достаточно сдѣлать самый бѣглый обзоръ нашей отечественной исторіи, чтобы видѣть, какъ дѣйствительно „крѣпка была молящихся рука“, какъ сильна была Русь, когда она объединялась вокругъ своихъ вѣковыхъ, завѣтныхъ, историческихъ святынь.

Вспомнимъ нашихъ отечественныхъ героевъ. Вспомнимъ, какъ Димитрій Донской, съ благо-

словеніемъ преп. Сергія, пошелъ на брань съ татарами, и на Куликовомъ полѣ поразилъ *„полки чужихъ“* (Евр. 11. 34)... Вспомнимъ, какъ Іоаннъ III объединилъ вокругъ себя русскій народъ, раньше разъѣдаемый междоусобіями князей, и окончательно свергъ татарское иго. Вспомнимъ Минина и Пожарскаго. Вспомнимъ Отечественную годину. Вспомнимъ подвизавшихся за родину не только ратнымъ дѣломъ, но и подвигомъ поста и молитвы св. бл. князей, святителей и всѣхъ отечественныхъ угодниковъ нашихъ! Вспомнимъ „Солнце Земли Русской“ — св. бл. вел. кн. Александра Невскаго, своимъ державнымъ именемъ какъ бы пріосѣнившаго нашу сѣверную столицу. Вспомнимъ его ратныя доблести и побѣду надъ нѣмцами.

Эти великія воспоминанія о „стоятеляхъ“ и молитвенникахъ земли русской обязываютъ и насъ хранить достоинство родины, полагая за нее животъ свой. И особенно въ настоящую отвѣтственную минуту они налагаютъ на насъ священный долгъ, который съ такой красотой и силой выраженъ апостольскимъ чтеніемъ предстоящаго молебствія. *„Посему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащій намъ подвигъ, взирая на начальника вѣры и совершителя Іисуса“*. (Евр. 12. 1 — 2). И Богъ не посрамитъ нашего упованія, нашей надежды: Онъ будетъ съ нами,—ибо Богъ „гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“.

„Господи силъ, съ нами буди, иного-бо развѣ Тебе помощника въ скорбехъ не имамы, Господи силъ, помилуй насъ“. Аминь.

Передъ новой исторической могилой.

Слово, произнесенное въ Воскресенскомъ храмѣ, что на крови, 9-го сентября 1911 г., во время богослуженія, совершеннаго членами Святѣйшаго Сѵнода, въ день погребенія П. А. Столыпина).

„Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13).

Снова русская земля обагрилась безвинно пролитой и для насъ теперь священной кровью. И то жгучее чувство общественной скорби, которое охватило всю страну въ виду понесенной нами великой государственной утраты и которое такъ молитвенно объединяетъ насъ сейчасъ въ этомъ храмѣ, являющемся живымъ памятникомъ другой, еще болѣе для насъ драгоцѣнной и священноисторической крови—Помазанника Божія, пролитой тоже за русскій народъ,—это горестное чувство властно влечетъ нашу встревоженную мысль къ тому, что сейчасъ, въ эти минуты, совершается въ далекомъ отъ насъ древле-стольномъ Кіевѣ. Тамъ, гдѣ когда-то началось наше историческое бытіе, какъ народа русскаго, православнаго, гдѣ христіанская вѣра впервые влилась въ русло нашей государственной жизни, какъ новая, могучая, мірообразовательная стихія, и гдѣ волны сѣдого Днѣпра, ударяясь о высокій берегъ, глу-

химъ рокотомъ своимъ до сихъ поръ какъ бы разсказываютъ намъ о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась русская земля,—тамъ, въ этой „матери городовъ русскихъ", наша страна, пораженная роковой потерей въ самое сердце, хоронитъ сегодня одного изъ лучшихъ сыновъ своихъ, такъ много давшаго для ея историческаго благоустроенія. Тамъ, подъ сѣнью нашей древнерусской завѣтной святыни, святой обители Печерской, раскрылась новая историческая могила, дабы принять въ свои холодныя объятія новую жертву до конца исполненнаго христіанскаго и государственнаго долга. Тамъ нашелъ для себя мѣсто вѣчнаго упокоенія не знавшій покоя въ работѣ великій строитель нашей государственной мощи, незабвенный П. А. Столыпинъ.

И склонилась въ нѣмомъ отчаяніи вся благоразумно мыслящая Россія надъ этой новой холодной могилой. И потоками горячихъ слезъ провожаетъ сейчасъ туда, въ ея темныя нѣдра, свою надежду и славу. Не иначе, какъ съ обнаженной головой, отселѣ будетъ стоять передъ этой могилой православный русскій народъ, и имя павшаго героя, какъ перваго и вѣрнаго слуги Государева, сдѣлается народнымъ: оно останется навсегда достояніемъ нашей благодарной памяти и молитвы.

Говорить ли здѣсь о томъ, что въ лицѣ почившаго П. А. Столыпина мы потеряли человѣка съ большимъ государственнымъ разумомъ, съ широкимъ размахомъ чисто русской отваги и мощи?! Уже теперь, сквозь туманъ набѣгающихъ слезъ, мы видимъ, въ какую величественную историческую фигуру выростаетъ его незаурядная личность. Въ лицѣ его дѣйствительно у кор-

мила власти стояла благородная и мощная сила, обаятельная искренность, христіанская честность и честь. Беззавѣтно любя родину, онъ безтрепетно стоялъ на стражѣ ея исторической славы, всемѣрно оберегая ее отъ злодѣйскихъ покушеній на ея благополучіе и историческій ростъ. Здѣсь онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ рыцаремъ безъ страха и упрека. Для него, какъ государственнаго дѣятеля, воспитаннаго на великихъ завѣтахъ христіанства, этой религіи Креста, не было страха тамъ, „*идѣже не бѣ страхъ*". (Пс. 13. 5). И его историческое „*не запугаете*" не осталось лишь однимъ красивымъ и разительнымъ жестомъ. Это былъ твердый, спокойный, величественный въ своей простотѣ и вдумчивый отвѣтъ, брошенный имъ недоумкамъ политической мысли. Этотъ отвѣтъ вытекалъ изъ цѣлостнаго настроенія, которымъ жилъ покойный. Мужественный и безстрашный борецъ за благо Россіи, онъ имѣлъ одинъ только страхъ—*страхъ Божій*. Объятый имъ, онъ приступалъ къ своей государственной работѣ дѣйствительно „со страхомъ Божіимъ и вѣрою". Безтрепетно глядѣвшій прямо въ глаза всегда грозившей ему опасности, онъ трепеталъ, какъ христіанинъ, предъ однимъ лишь неподкупнымъ и страшнымъ Судомъ Божіимъ.

Конечно, здѣсь не мѣсто и не время подсчитывать государственныя заслуги почившаго. Онѣ сдѣлаются достояніемъ безпристрастной исторіи. Исторія произнесетъ со временемъ свой нелицепріятный судъ надъ нимъ и покажетъ, какой государственный столпъ сдвинутъ съ своихъ устоевъ въ лицѣ почившаго П. А. Столыпина. Но если не дѣло служителя церкви производить расцѣнку политическихъ заслугъ почившаго, то

нашъ долгъ—отмѣтить въ его государственной дѣятельности тѣ христіанскіе завѣты, которыми эта дѣятельность вдохновлялась и одухотворялась.

Какъ постройку воздвигаемаго дома православный человѣкъ привыкъ осѣнять прикрѣпленнымъ къ вышкѣ крестомъ, такъ и государственное строительство почившаго отъ начала и до самаго конца проходило подъ осѣненіемъ завѣтовъ Креста Христова. И въ этомъ смыслѣ вся его жизнь выростаетъ въ цѣлокупный крестный подвигъ, построенный на основѣ того евангельскаго принципа, который былъ данъ на вѣчныя времена Христомъ: „Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.

Вотъ мѣра живой, дѣятельной христіанской любви! И полноту этой любви прежде всего воплотилъ въ Своемъ міровомъ подвигѣ голгоѳскій Страдалецъ, принесшій Себя въ жертву для спасенія міра. И этотъ неповторяемый образъ божественнаго самоотверженія, видимо, всегда предносился, какъ высочайшій идеалъ, предъ сознаніемъ почившаго П. А. Столыпина. Вотъ почему для личной жизни, для личныхъ радостей у него отведенъ былъ такой маленькій и скромный уголокъ. Все — и силы, и таланты, и самую жизнь—онъ несъ на алтарь служенія родинѣ, а въ лицѣ ея и ближнимъ своимъ. И если жизнь дѣлала его *подвижникомъ*, то смерть облечетъ теперь его ореоломъ *мученика*. И та молитва, которая съ жгучею грустью втѣснится сейчасъ въ наше сердце, молитва о вѣчномъ упокоеніи раба Божія Петра, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившаго, эта молитва, какъ нельзя полнѣе и лучше, опредѣляетъ истинное значеніе его подвига, а также вскрываетъ и

истинные завѣты его жизни. Только тотъ, для котораго вѣра—не отвлеченный логическій пунктъ, а дѣйствительный источникъ живыхъ упованій, могъ такъ объяснять свое спокойствіе въ виду постоянно грозящей опасности смерти, какъ съ чарующей простотой и откровенностью объяснялъ это П. А. вопрошавшему его иностранцу.

„Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящій день. какъ на послѣдній въ жизни, и готовлюсь выполнить всѣ свои обязанности, уже устремляя взоръ въ вѣчность. А вечеромъ, когда я опять возвращаюсь въ свою комнату, то говорю себѣ, что долженъ благодарить Бога за лишній дарованный мнѣ въ жизни день. Это единственное слѣдствіе моего постояннаго сознанія близости смерти, какъ расплаты за свои убѣжденія. И порой я ясно чувствую, что долженъ наступить день, когда замыселъ убійцы, наконецъ, удастся“.

Такъ мыслить, такъ чувствовать, такъ говорить и, наконецъ, такъ жить можетъ только тотъ, кто вѣритъ въ болѣе высокія цѣнности, чѣмъ цѣна собственной жизни. Не здѣсь-ли тайна его героической, истинно-христіанской кончины. Пронизанный пулей злодѣя, онъ ищетъ не тѣлеснаго врача для облегченія своихъ страданій, а прежде всего въ святомъ таинствѣ Церкви ищетъ залога вѣчной жизни. И просьба о напутствіи въ загробную жизнь была первой просьбой, которая срывается съ его смертельно блѣднѣющихъ устъ.

И въ ту минуту, когда онъ, истекающій кровью, самъ такъ нуждался въ помощи, когда невыносимыя страданія невольно должны были приковать все вниманіе его къ себѣ, его мысль несется къ горячо-любимому Государю, Которому онъ такъ

беззавѣтно служилъ. Находясь самъ въ смертельной опасности, онъ находитъ въ то же время силы думать и заботиться о безопасности Царя, трогательно ограждая Его св. Крестомъ. „Передайте Государю,—говорилъ далѣе онъ,—что мнѣ не страшно умереть за Него“.

Не въ правѣ ли мы послѣ этого утверждать, что П. А. въ буквальномъ смыслѣ положилъ свой животъ *за Вѣру, Царя и Отечество.*

Отечество! О, какъ онъ любилъ его! О, какъ онъ хотѣлъ пробудить національное величіе и мощь Россіи. И его національмъ покоился не на зоологическихъ принципахъ. Это былъ тотъ здоровый русскій національмъ, который питается высшей зоологіей и свои корни имѣетъ въ богоносной русской душѣ. Съ какимъ героическимъ безстрашіемъ покойный боролся за торжество въ жизни этого государственнаго начала. Онъ по-истинѣ сражался за это *„до крове“*. Забудетъ-ли Русь святая его героическій подвигъ и его мученическую смерть?

Героизмъ—вѣдь это не только великая сила, но и великое сокровище народа.

Героизмъ изъ океана безвѣстности поднимаетъ, возноситъ человѣческое имя на высоту историческаго безсмертія. Герои не должны умирать для сознанія и исторіи родного народа. *„Память вѣчная“* должна храниться о нихъ и *„съ похвалами“* передаваться грядущимъ поколѣніямъ. Героизмъ—великое, не умирающее наслѣдіе, завѣщанное потомкамъ ихъ великими предками. Онъ вливаетъ въ сердце мужество, родитъ патріотическій энтузіазмъ, воспитываетъ духъ народный, держитъ его въ постоянномъ напряженіи. Вотъ почему ветхозавѣтный патріотъ Іуда Маккавей предъ

рѣшительной битвой воспоминаніемъ о древнихъ герояхъ старался укрѣпить духъ мужества въ своихъ подвижникахъ. Вотъ почему, чѣмъ сильнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ онъ дороже цѣнитъ заслуги выдающихся общественныхъ дѣятелей и строитъ имъ историческіе памятники. Да, подвиги самоотверженія не забываются; на нихъ воспитывается гражданское чувство грядущихъ поколѣній.

Какъ зерно, брошенное въ землю, приноситъ „плодъ многъ", такъ и героическій образъ,— мысль, разсказъ о которомъ брошены въ молодое раскрывающееся сознаніе, не останется безплоднымъ, а зажжетъ юныя сердца жаждой героическихъ подвиговъ. И мы надѣемся, что жизнь оплакиваемаго нынѣ героя такимъ же дивнымъ и свѣтлымъ образомъ войдетъ въ благодарную память народа и въ нашу родную исторію.

Но мы—христіане. И наши христіанскія надежды должны простираться гораздо дальше.

„Тому не радуйтесь, что духи вамъ повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ" (Луки 10, 20), сказалъ Христосъ Спаситель Своимъ ученикамъ.

П. А. Столыпинъ всѣмъ подвигомъ жизни своей и своимъ мученическимъ концомъ уже внесъ, вписалъ свое имя въ скрижали историческаго безсмертія. Неужели же предъ этимъ именемъ не откроется и другая книга—книга живота вѣчнаго?

Если земная жизнь возложила на его чело терновый вѣнокъ, то мы будемъ надѣяться, что почившій страдалецъ не лишенъ будетъ и другого вѣнца—вѣнца той небесной славы, который Господь обѣщалъ всѣмъ любящимъ Его. А на мѣсто павшаго героя Промышляющій о судьбахъ народовъ

Царь царей воздвигнетъ новаго мужа такой же силы и крѣпости, такого же совѣта и разума, какими въ такой полнотѣ обладалъ почившій. Убитъ Столыпинъ, но не убито то русское дѣло, за которое онъ пролилъ свою кровь. Напротивъ, эта кровь не только вопіетъ „къ Небу“, — но она явится, какъ кровь мучениковъ, сѣменемъ, залогомъ еще болѣе могучихъ національныхъ движеній.

И эта христіанская надежда пусть умѣритъ нашу скорбь теперь, пусть поставитъ границы нашему отчаянію, дабы намъ, по слову Апостольскому, не уподобиться „неимущимъ христіанскаго упованія“. Аминь.

На порогѣ къ гражданскому совершеннолѣтію.

Рѣчь, произнесенная 27-го апр. 1906 г., въ 2 ч. дня, на общественномъ молебнѣ въ залѣ Петроградскаго вокзала Варш. ж. д.).

Сегодня вся разновѣрная, разноплеменная, многоязычная Русь празднуетъ начало своего гражданскаго совершеннолѣтія... Отъ пѣнистыхъ волнъ Балтики до глубокихъ водъ Тихаго океана, отъ холоднаго моря Сѣвернаго до бурнаго Чернаго,—вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, охвачена сейчасъ общимъ настроеніемъ благоговѣйнаго трепета и ожиданій. Какъ „небопарные орлы“,—употреблю выраженіе лѣтописца дѣяній Стоглаваго собора,—слетѣлись отовсюду русскіе земскіе люди для устроенія порядка въ той странѣ, о которой еще на самой зарѣ ея исторіи, когда только что складывалось наше государственное бытіе, было сказано: *„земля наша велика и обильна, а порядка въ ней мало“*...

Народъ русскій, православный! Чувствуешь-ли ты, какой знаменательный моментъ наступаетъ въ твоей жизни?!

Зачинается самобытный періодъ русской исторіи. Открывается великая книга новыхъ историческихъ судебъ для Россіи... и сюда вписывается первая золотая страница... Да не будетъ же она кровавой и да благословится на ней имя Господне!..

Долго, какъ мертвый, неиспользованный капиталъ, лежала безъ движенія спеленутая, какъ-бы повитая бюрократической опекой, могучая, свободная, самобытная творческая мысль народа русскаго...

Какъ подземный потокъ ищетъ выхода наружу и, пробивъ, наконецъ, толщу земной коры, вырывается на свѣтъ Божій кристально-чистыми, живыми струями, такъ и сдавленная тисками печальнаго недоразумѣнія народная мысль металась, билась и тревожно искала для себя свободнаго выхода... И вотъ теперь онъ данъ. Русскій народъ призванъ къ новой жизни. Съ сегодняшняго дня онъ вступилъ въ возрастъ гражданственной зрѣлости. Для него открытъ свободный входъ въ палату государственнаго разума. Стѣна, отдѣлявшая царя отъ народа, рухнула. Русскій народъ теперь безпрепятственно понесетъ къ державному трону свои боли и нужды. Изъ сокровищъ народнаго ума, народнаго сердца, державная власть станетъ щедро черпать руководящія указанія, которыми и будетъ направляться дальнѣйшее теченіе нашей государственной жизни.

Народъ долженъ сознать всю громадную отвѣтственность выпавшей на него задачи. Онъ приступаетъ къ законодательной работѣ. Онъ призванъ сказать новое, народное, мудрое слово, которое вдохнуло бы во всѣ отправленія государственной жизни новыя силы, освѣтило-бы затаенные уголки ея, согнавъ съ царственной ризы нашей дорогой родины всѣ темныя пятна.

Нѣкогда съ дымящихся вершинъ Синая Моисей снесъ народу еврейскому скрижали Завѣта съ Богоначертанными на нихъ письменами, которыя и легли потомъ въ основу не только религіозной, но

и общественно-бытовой жизни евреевъ. Духъ этихъ законовъ не долженъ никогда вымирать въ потокѣ историческаго бытія народовъ. Имъ должно быть запечатлѣно всякое законодательное творчество. И потому теперь съ вершинъ народной мысли, народнаго совѣта должны блеснуть сіяющіе той же божественной правдой законы жизни. Только при этомъ условіи они и вольются благодатной, живящей струей въ океанъ нашихъ общественныхъ отношеній. Только положивъ въ основу нашего гражданскаго законодательства духъ и правду Божьихъ законовъ, снесенныхъ съ Синая, мы дадимъ начало христіанскому, законодательному, народному творчеству.

И исторія поставила не кого-нибудь, а именно *насъ* передъ этимъ гражданскимъ Синаемъ! Какъ же намъ не почувствовать благоговѣнія къ переживаемому моменту, какъ съ трепетомъ не обнажить передъ нимъ своей головы!

„*И сказалъ Господь Моисею: пойди къ народу, объяви и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоютъ одежды свои, чтобы быть готовыми къ третьему дню*“ (Исх. XIX, 10—11). Такъ готовился къ Синайскому законодательству народъ еврейскій!

Не должно-ли лечь это настроеніе благоговѣйнаго трепета и на наши сердца? Не должны-ли и мы къ великому дѣлу государственныхъ преобразованій приступить „*со страхомъ Божіимъ и вѣрою*“, съ трезвымъ, вдумчивымъ настроеніемъ и совѣстью, омытою слезами сокрушенія.

Древніе православные люди прежде, чѣмъ рѣшать тотъ или другой вопросъ общественной важности, назначали трехдневный постъ, очищали душу покаяніемъ, оживотворяли свои духовныя

силы таинствомъ Тѣла и Крови Господней,—и потомъ уже, благоговѣйно настроенные, брались за обсужденіе великаго государственнаго дѣла. Не изъ пьяныхъ ресторановъ, не отъ жаркихъ застольныхъ рѣчей, не съ шумныхъ банкетовъ, а изъ храма Божія шли они въ цареву палату и несли сюда тихое вдохновеніе горячей молитвы. Какое-бы святое настроеніе внесли въ стѣны Государственной Думы и современные законодатели, если бы вошли сюда, обвѣянные молитвой! Какъ бы засіяла правда Божія во всѣхъ ихъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ! Вы только вообразите себѣ, *что* стало бы, если бы думать общеземскую думу собрались люди *„съ Богомъ въ душѣ“*, съ настроеніемъ Радонежскаго Печальника русской земли или съ тихимъ упованіемъ кроткаго, вѣрующаго Серафима?!. Здѣсь, какъ нѣкогда на Синаѣ, загремѣлъ бы тогда неподкупный голосъ правды Божіей,—и общенародная совѣсть, какъ молнія, освѣтила бы всѣ извилины и кривизны нашего историческаго шествія.

Первая золотая страница, которой начинается новый періодъ нашей исторіи, нудитъ мысль къ невольному сближенію. Вспоминаются начальныя строки первой-же страницы изъ Книги книгъ— св. Библіи: „земля-же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною, *Духъ Божій носился* надъ водою“... И этотъ первобытный хаосъ, подъ благодатнымъ дыханіемъ Божіей силы, постепенно получалъ видъ правильнаго, закономѣрнаго развитія. Не заставитъ-ли вспомнить объ этомъ первобытномъ хаосѣ то множество различныхъ мнѣній, требованій, взглядовъ, которые будутъ несомнѣнно высказаны народными представителями, собравшимися со всѣхъ краевъ Россіи въ нашу Государ-

ственную Думу? Но пусть же и здѣсь, надъ этимъ хаосомъ разнообразныхъ мнѣній, почувствуется животворящее вѣяніе Духа Святаго! Пусть благодатная, зиждительная сила Его творчески введетъ этотъ широко разлившійся потокъ — иногда до враждебности противоположныхъ—пожеланій въ опредѣленное русло и дастъ ему закономѣрное теченіе! И тогда только народная мысль вольется въ море нашей государственной жизни новой, великой, мірообразующей стихіей!

Да не будетъ же выступленіе творческихъ силъ народа русскаго на арену исторіи разрушительнымъ наводненіемъ, которое ломаетъ виноградники, закидываетъ пескомъ цвѣтущія поля и пастбища, оставляя всюду по себѣ картины страшнаго опустошенія... Нѣтъ! Пусть народная дума широкой, плавной рѣкой тихо обтекаетъ берега русской жизни, вездѣ пробуждая къ дѣятельности новыя, свѣжія силы. И тогда только зацвѣтетъ правдой и миромъ родная страна.

Господи! Сотвори-же Себѣ и намъ — *„люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ“*. (Тит. 2. 14). *Аминь.*

Священныя основы царской власти.

(Слово, произнесенное въ Казанскомъ соборѣ, 14 мая 1911 г., въ день Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, за служеніемъ членовъ Св. Синода).

Въ одинъ изъ самыхъ важныхъ тайнодѣйственныхъ моментовъ литургіи, когда вѣрующіе должны отложить „*всякое житейское попеченіе*", когда величіе совершаемой тайны невольно налагаетъ на наши уста печать благоговѣйнаго молчанія, и когда сама Церковь поетъ: „да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже *земное* въ себѣ да помышляетъ: Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися",—въ эти священныя минуты, возводящія умъ нашъ *горѣ*, служитель алтаря отъ лица Церкви молится къ Богу: „*Помяни, Господи, благовѣрнаго и христолюбиваго Государя нашего, Императора и Самодержца Всероссійскаго, его-же оправдалъ еси царствовати на земли: оружіемъ истины, оружіемъ благоволенія вѣнчай его; осѣни надъ главою его въ день брани, укрѣпи его мышцу, возвыси его десницу, удержави его царство, покори ему вся варварскія языки, брани хотящія; даруй ему глубокій и неотъемлемый миръ; возглаголи въ сердцѣ его благая о Церкви Твоей и всѣхъ людехъ Твоихъ, да въ тишинѣ*

его тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ".

Знаменательна эта таинственная молитва за *царя земного*, повергаемая предъ престоломъ *Царя небеснаго* въ самую священную минуту тайнодѣйствія, когда вѣрующая мысль, отрѣшенная отъ житейскихъ попеченій, должна особенно воскрилиться и, оторвавшись отъ земли, высокими порывами воспарить къ небу! Не устанавливается-ли этой молитвой священная, мистическая связь между властью земной и властью небесной? Не обручается-ли здѣсь власть земная съ завѣтами царства небеснаго? Не указывается-ли ей дѣйствительный источникъ государственной мощи и силы, раздвигающій въ безконечность самую идеологію государственнаго строительства, задачи и цѣли котораго, во всякомъ случаѣ, не исчерпываются одними лишь житейскими попеченіями? Вѣдь если Церковь, не нарушая общей гармоніи молитвенныхъ настроеній, пробуждаемыхъ священнымъ моментомъ тайнодѣйствія, находитъ умѣстнымъ молиться въ это время за царя, за его державу,—то, очевидно, идейный замыселъ государственной власти выше и шире, чѣмъ та матеріальная цивилизація, стремленіе къ которой движетъ и направляетъ политической жизнью современныхъ народовъ. Пусть народъ языческій тщится утверждать вездѣ свою гражданскую доблесть и славу. Пусть всемірное владычество— его единственный и конечный идеалъ. Пусть главную мечту, которой одушевляется его политическая жизнь, онъ полагаетъ въ томъ, чтобы *„его рука лежала на хребтѣ враговъ"*. Но однѣ эти задачи не могутъ покрыть собою государственной идеологіи христіанской страны. Народъ

христіанскій въ основу своей даже политической жизни долженъ класть другія начала. Онъ долженъ помнить, что мы призваны утверждать на землѣ не свою, но *Божью* славу, и что только лишь въ ореолѣ этой лучезарной божественной славы *„праведникъ, яко фениксъ, процвѣтетъ и яко кедръ въ Ливанѣ умножится“*,—что въ безграничномъ океанѣ Божьей славы не затеряется, не потонетъ ни одно имя, ни одна капля человѣческаго бытія, если только на ней есть отраженіе этой славы.

Такъ вся міровая жизнь и человѣческая исторія со всѣми ихъ установленіями и порядками пріобрѣтаютъ единственно возможный для нихъ смыслъ—религіозный, внѣ котораго все суета и томленіе духа; внѣ котораго даже могучіе порывы человѣческаго духа создаютъ только безпорядочный хаосъ мысли и жизни, куда внести начало гармоніи и порядка можетъ одна лишь зиждительная сила Духа Святаго.

Опредѣляя цѣнность идейныхъ стремленій, захватывающихъ собою нравственное чувство и волю какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ—до государства включительно,—Христосъ Спаситель однажды сказалъ: „какая *польза* человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ» (Мѳ. 16. 26).

Вопросъ о *пользѣ* въ нашъ дѣловой практическій вѣкъ—самый модный вопросъ. Онъ занимаетъ и волнуетъ современное общество отъ самыхъ верхнихъ слоевъ его до самыхъ глубокихъ низовъ народной толщи. Но, къ сожалѣнію, этотъ вопросъ представителями не только государственной, но и церковной власти рѣшается иногда въ узкихъ рамкахъ совершенно безвѣрнаго міросозерцанія

или, въ лучшемъ смыслѣ, въ ущербъ вѣчнымъ идеаламъ жизни, — какъ это и случилось на нашемъ церковномъ католическомъ Западѣ.

Не такъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ на берегахъ Галилейскаго озера, этой священной родинѣ нашей вѣры, — откуда простодушные рыбари, оставивши свои мрежи, пошли во всѣ концы вселенной и закинули Евангельскую сѣть для новой ловитвы. И мы знаемъ, какое организованное противодѣйствіе, какую враждебную силу встрѣтили они въ лицѣ современныхъ имъ державныхъ представителей царственной власти, которые не склонили еще своей вѣнценосной главы предъ животворящимъ крестомъ, обагреннымъ кровью Божественнаго Страдальца. Но вотъ *„вѣра побѣдила царства“* (Евр. XI, 33). Мечъ Божьяго Слова сокрушилъ *„остріе меча“* языческой власти. И спасительное знаменіе христіанской побѣды осѣнило собою тронъ міродержцевъ. И съ тѣхъ поръ св. Церковь смиренно слагаетъ къ подножію Престола Божія свою таинственную молитву о томъ, чтобы Своего Помазанника, облеченнаго во всѣ доспѣхи власти, Господь *„облекъ и во вся оружія Божія, чтобы вѣнчалъ его оружіемъ истины и благоволенія, чтобы возглаголалъ въ сердцѣ его благая о Церкви Своей“*.

Такимъ образомъ, этой молитвой не только освящается царская власть, но и указывается, что начало, изъ котораго родится она, надо искать не внизу, не подъ ногами, не въ источникахъ народовластія, но выше, вверху, у Того Царя царей, что *„сѣдитъ на престолѣ высоцѣмъ и превознесеннѣмъ“* и о Которомъ сказано: *„владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ и, ему же хощетъ, дастъ е“* (Дан. IV, 14. 22. 29), и что

„Имъ Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду“ (Притч. VIII, 15. Прем. VI, 3).

Но если уже одной этой молитвой закладывается въ душу вѣрующаго твердая, хотя бы и мистическая, основа для самаго благожелательнаго и даже благоговѣйнаго отношенія къ царственной власти,—то сколько живыхъ, реальныхъ впечатлѣній, въ одно и то же время и поднимающихъ, и умиляющихъ до слезъ православно-русское сердце, даетъ величественная картина того священнаго событія, воспоминаніе о которомъ собрало насъ сегодня подъ сѣнь этого Божьяго храма.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ самомъ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ Бѣлокаменной, среди православныхъ древне-русскихъ святынь сѣдого и для насъ священнаго Кремля возсѣвшій на свой прародительскій престолъ и воспріявшій бармы Мономаха возлюбленный Монархъ нашъ, какъ Божій рабъ и слуга, смиренно склонилъ предъ алтаремъ Божіимъ свое вѣнценосное чело, дабы воспріять помазаніе на царство. Являясь самъ источникомъ силы и всякой власти земной,—Онъ притекъ къ источнику благодати, дабы почерпнуть здѣсь къ правленію и правосудію силу и премудрость и дабы управить достояніе Божіе на тотъ путь истины и правды, который приводитъ не только къ благамъ жизни временной, но и вѣчной.

Благословенъ грядый во имя Господне, Царь и Самодержецъ Всероссійскій! Въ Тебѣ Церковь Христова пріобрѣла себѣ царственнаго сына, вѣрнаго и покорнаго священнымъ завѣтамъ ея. И съ высоты благодатнаго настроенія, на какую возводитъ Помазанника Божія священный актъ помазанія, какъ ширится нашъ историческій

горизонтъ, какими ясными, при всей своей безграничности, дѣлаются тѣ историческія дали, которыя открываются предъ вѣрующимъ царственнымъ взоромъ. И какъ спокойны могутъ быть православные люди за судьбы своего родного русскаго народа, видя, что православная вѣра, это священное наслѣдіе наше отъ дней древнихъ, сіяетъ, какъ самый драгоцѣнный камень въ коронѣ русскихъ Монарховъ. Увѣнчавъ крестомъ свою корону, возложивъ вмѣстѣ съ порфирой на свои царственныя рамена бремя заботъ о томъ, чтобы быть стражемъ Божьяго достоянія, нашъ вѣнценосный Помазанникъ Божій, вѣрный завѣтамъ Господа, дѣйствительно, прежде всего, и сталъ *„на божественной стражѣ“*, оберегая главное сокровище души народной — ея живую, творящую вѣру.

Какая польза народу, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но утратитъ или исказитъ свой національный обликъ, свою вѣру и совѣсть? Не случилось-ли это съ древнимъ Римомъ? Онъ пріобрѣлъ почти весь міръ, но утратилъ свои нравственныя доблести. То же самое произойдетъ и съ христіанской страной, если она въ погонѣ за царствомъ матеріальной сытости и довольства пренебрежетъ водвореніемъ Царства Божія и правды его. Православная вѣра не враждебна обогащенію страны, развитію ея торговли и расцвѣту промышленности. Но если *сердце* и *голова* великаго народа всецѣло преданы матеріальнымъ интересамъ; если умноженіе богатства разсматривается, какъ самоцѣль, а не какъ слѣдствіе пробужденныхъ въ народѣ нравственно-творческихъ силъ,—и въ то же время дѣло Христово, Его Церковь святая — остаются въ небреженіи, — то

страшнымъ приговоромъ прозвучитъ надъ страной слово Спасителя: „какая польза народу, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но Бога потеряетъ и исказитъ образъ богоносной души своей".

Но этого опасенія не можетъ быть для православно-русскихъ людей, пока Русь святая даетъ въ своей жизни мѣсто такимъ праздникамъ, какъ настоящій, и, главное, пока правосла́вная вѣра вѣнчаетъ коронованную главу Помазанника Божія. Поэтому, какимъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія должно наполняться сердце каждаго православно-русскаго человѣка при видѣ того, какъ свято хранитъ въ себѣ и какъ твердо охраняетъ Православіе нашъ Державный Монархъ, полагая въ немъ залогъ силы и жизни своего народа.

Передаютъ, что нѣкогда царственная повелительница Англіи на запросъ негритянскаго владѣтеля, пожелавшаго узнать причину величія этой страны, послала ему Библію съ надписью: Слово Божіе составляетъ тайну величія Англіи.

Но слово Божіе не должно быть мертвой буквой, мертвыми, безкровными письменами. Буква мертвитъ, духъ животворитъ.

Какъ растеніе нельзя отдѣлить отъ почвы безъ опасенія лишить его соковъ и жизни, такъ и слово Божіе, безъ ущерба для чистоты и широты его пониманія, нельзя оторвать отъ вселенскаго, каѳолическаго преданія, на почвѣ котораго изъ его сѣмянъ только и можетъ произрастать плодоносная нива. Слово Божіе, подобно зерну въ доброй, согрѣтой солнцемъ почвѣ, во всей полнотѣ и безпримѣсной чистотѣ раскрываетъ таящуюся въ немъ благодатную силу лишь въ нѣдрахъ Церкви православной. Наша вина, что мы, стоя

у чистаго родника неповрежденной апостольской вѣры, не поимъ ею въ достаточной мѣрѣ жаждущую живой воды народную душу, превращая часто ее въ безводную, неорошенную пустыню. Но если бы насъ спросили, въ чемъ залогъ хотя бы будущаго величія нашей Родины, мы бы съ силой непреклоннаго убѣжденія могли указать на нашу православную вѣру.

Что это не безпочвенное утвержденіе, а непреложный фактъ, мы сошлемся на свидѣтельство безпристрастной исторіи, которая устами одного изъ ученѣйшихъ и объективнѣйшихъ представителей исторической науки говоритъ: „Православіе могущественно содѣйствовало у насъ утвержденію единовластія и самодержавія. Предположимъ, что вмѣсто православія въ Россіи былъ бы католицизмъ. Конечно, историкъ не имѣетъ права толковать о томъ, что бы изъ этого произошло; но онъ имѣетъ право сказать, что могли бы произойти такія явленія, которымъ помѣшало одно только православіе, а именно, только одно православіе помѣшало Владиславу стать царемъ въ 1612 году и ополячить Московское государство; но кто же рѣшится сказать, что было бы лучше, если-бъ восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православіе отняло Малороссію у Польши и дорушило послѣднюю, собравши всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи: неужели мы будемъ сѣтовать на православіе? Относительно настоящаго я спрошу у тѣхъ, которые не признаютъ никакой религіи, но уважаютъ католицизмъ за его великую роль, будто бы, историческую и презираютъ православіе за то, что оно этой роли не играло, — я спрошу у этихъ господъ: вы не вѣрите ни во что, громко признаетесь въ этомъ, круг-

лый годъ не заглядываете въ церковь,—и кто васъ за это тревожитъ? Знаете-ли вы вашего приходскаго священника, и знаетъ-ли васъ этотъ священникъ? Вы совершенно свободны и этой свободой обязаны православію, ибо католическій священникъ не позволилъ бы вамъ такъ свободно вольнодумничать, такъ спокойно презирать его: въ немъ имѣли бы вы самаго злого врага, доносчика, который или запряталъ бы васъ въ недоброе мѣсто, или бы заставилъ ходить къ себѣ въ церковь и на исповѣдь. Но самое важное и благодѣтельное значеніе православіе должно, по моему мнѣнію, имѣть для будущности народовъ, его исповѣдующихъ. Мы видимъ, что протестантизмъ многихъ не удовлетворяетъ; достаточно факта, всѣмъ извѣстнаго: движеніе отъ протестантизма между англичанами, народомъ самымъ практическимъ, умѣющимъ болѣе другихъ народовъ остановиться на срединѣ, избѣжать крайностей,—всего лучше доказываетъ, что протестантизмъ неудовлетворителенъ. Съ другой стороны, католицизмъ, не говоря объ исторической и догматической неправдѣ, становится, какъ видимъ, постоянно на дорогѣ движенія народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями народовъ. Что же касается православія,—то, во 1-хъ, оно не имѣетъ того характера безавторитетности, которымъ протестантизмъ именно многихъ не удовлетворяетъ; съ другой стороны, чуждое неправды папизма, православіе можетъ быть вездѣ народною формою религіознаго исповѣданія и нисколько нигдѣ не стѣснитъ народныхъ движеній“ (С. М. Соловьевъ. Вѣстн. Евр. 1907 г. Мартъ).

Этими словами нашего родного, великаго историка мы и закончимъ наше посильное слово.

Величіе православія доказывается историческимъ опытомъ. И если кого не можетъ склонить къ признанію сего непосредственное чувство божественной красоты православія,—то пусть къ этой истинѣ приведетъ его вѣрное историческое чутье, если только онъ имъ обладаетъ. Для всѣхъ же чадъ Церкви русской наше православіе—истина непререкаемая, за которую мы всегда готовы страдать, а умереть за которую должно быть счастьемъ цѣлой жизни. И въ этомъ сознаніи каждый православно-русскій человѣкъ найдетъ для себя сильное побужденіе, особенно въ настоящій день, къ молитвѣ за Боговѣнчаннаго Царя, поставленнаго на стражѣ самой дорогой и завѣтной святыни русскаго сердца—вѣры православной.

Великое бремя державныхъ заботъ легло на его царственныя рамена, и мы не въ силахъ даже ихъ перечислить. Потому-то, вѣроятно, такъ долго, чуть не до самаго утра, и не гаснетъ огонь въ ложницѣ Царской. Потому-то восходящее солнце и застаетъ часто на ногахъ, возставшимъ отъ сна солнце земли русской—нашего Государя. Но изъ всѣхъ заботъ самая священная забота его о благѣ Церкви Христовой.

Пусть же молитва: Господи! сохрани намъ Помазанника Твоего на многія лѣта,—будетъ горячей и единодушной молитвой всей Руси святой и православной. Аминь.

Задачи жизни.

(Слово въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, произнесенное въ Исаакіевскомъ соборѣ за служеніемъ членовъ Св. Синода).

„Женщина, когда раждаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея, но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ". (Іоан. XVI, 21).

Нынѣ—день рожденія Августѣйшей супруги нашего Государя. И по той глубокой исторической связи, какая издавна существуетъ между царственной *семьей* Монарха и *семьей* вѣрноподданныхъ ему племенъ и народовъ, входящихъ въ составъ Русской земли,—настоящій день пріобрѣтаетъ значеніе Всероссійскаго праздника. И намъ кажется, не будетъ затемнѣно, не будетъ ослаблено величіе этого торжества, если сегодня съ высоты церковнаго амвона будетъ предложено слово о жизни, о тѣхъ вѣчныхъ, непреходящихъ задачахъ ея, которыя ставятся предъ каждымъ христіанскимъ сознаніемъ самымъ появленіемъ новаго человѣка въ міръ. Къ этимъ общимъ, основнымъ, но вѣчно живымъ и новымъ вопросамъ всегда охотно поднимается христіанская мысль.

Тѣмъ болѣе побужденій сдѣлать эти вопросы предметомъ нашихъ размышленій въ день рожденія Августѣйшей Виновницы настоящаго праздника.

Рожденіе вездѣ, даже въ области растительно-животнаго царства, является свѣтлымъ моментомъ, такъ какъ и здѣсь оно служитъ расширеніемъ и торжествомъ вѣчнаго начала жизни, источникъ котораго сокрытъ въ Самомъ Богѣ: ибо Онъ „начало и конецъ“ всему (Ап. 1. 8). По Его творческому слову, „начало быть все, что начало быть“ (Іоан. 1. 3). Его силой безвидная, неустроенная хаотическая матерія получила возможность закономѣрнаго развитія. Его велѣніемъ среди первобытной тьмы, среди до-мірнаго царства покоя и смерти зародилось первое движеніе, загорѣлись первыя искорки жизни. И съ тѣхъ поръ это жизнетворное начало, разлитое по вселенной, неустанно и безостановочно бьетъ изъ таинственныхъ нѣдръ природы, вынося на поверхность ея разнообразныя формы бытія и жизни. Сколько священнаго восторга и благоговѣйнаго трепета вносится въ человѣческую душу однимъ лишь мысленнымъ представленіемъ этого вѣчно движущагося начала, постоянно рождающаго изъ себя все новыя и новыя силы, живого, текучаго, но всегда себѣ равнаго и послушнаго вложеннымъ въ его природу законамъ. Но какой бѣдной становится эта картина, если мы сопоставимъ ее съ другой, болѣе величественной и богатой идейнымъ движеніемъ картиной, какую даетъ намъ высшая область сознательной, человѣческой жизни, гдѣ Духъ Божій Савла дѣлаетъ Павломъ, Египетскую блудницу преподобной женой, и гдѣ съ такой божественной красотой проявляется Его животворящая сила.

Человѣкъ стоитъ въ самомъ концѣ длинной цѣпи твореній. Онъ какъ бы вѣнчаетъ ее. Черезъ него, какъ черезъ свою вершину, вселенная соприкасается съ горнимъ, невидимымъ міромъ. Онъ для нея царь и священникъ. Это положеніе обязываетъ. Оно налагаетъ на него долгъ быть всегда на высотѣ своего царственнаго господства, ибо онъ призванъ управлять теченіемъ жизни, а не плыть въ ней по волѣ капризнаго вѣтра страстей, способныхъ погрузить иногда человѣка въ самую глубь чувственныхъ похотѣній.

Если таковымъ должно быть общечеловѣческое сознаніе, то сознаніе христіанское должно отличаться еще большей высотой. Ему всегда должна быть присуща мысль, что, кромѣ „бездны небытія", изъ которой каждую жизнь выноситъ на свѣтъ Божій естественное рожденіе, есть еще „бездна грѣха", отъ которой спасаетъ насъ рожденіе благодатное. „Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе" (Іоан. III, 5). „Рожденное отъ плоти есть плоть" (6). „А плоть и кровь наслѣдовать царства не могутъ". (1 Кор. XV, 50)—ибо „мудрованіе... плотское есть смерть... вражда на Бога". (Рим. VIII, 6, 8).

При условіи возрождающаго дѣйствія благодати и естественное рожденіе,—это, повидимому, незначительное событіе, совершающееся въ укромныхъ уголкахъ семьи, но предполагающее за собой, какъ послѣдовательный моментъ, рожденіе благодатное, пріобрѣтаетъ для вѣрующей совѣсти христіанина высшій смыслъ и значеніе. Оно дѣлаетъ новорожденнаго не „чадомъ тѣла", но „чадомъ царствія Христова" (мол. оглашенія), новымъ сосудомъ, готовымъ къ воспріятію благодати и созданнымъ „на дѣла благія, да въ нихъ

ходимъ“ (Еф. 2. 10). Вотъ почему и Спаситель, какъ-бы желая обосновать радость матери, при видѣ новорожденнаго младенца забывающей смертныя муки свои, называетъ это безпомощное и слабое созданіе полноправнымъ именемъ человѣка: „родился человѣкъ въ міръ“ (Іоан. XVI, 21). Онъ усвояетъ матери радость, естественную въ положеніи каждой благополучно родившей женщины. Но мотивы этой радости указываются не обычные, по крайней мѣрѣ, для той невѣрующей, не просвѣщенной христіанскимъ сознаніемъ среды, гдѣ новорожденнаго встрѣчаютъ, какъ предметъ забавы или, въ лучшемъ случаѣ, какъ предметъ одной только инстинктивной любви.

Мать-христіанка въ своихъ чувствахъ къ рожденному дѣтищу одухотвореннѣе и выше: для нея онъ прежде всего новый „*человѣкъ*“, посланникъ Божій, будущій членъ святой соборной апостольской Церкви, наслѣдникъ всѣхъ великихъ обѣтованій, какія даются христіанствомъ, храмъ, готовый для воспріятія живущаго въ насъ Духа Святаго. Съ высоты этихъ соображеній является многозначительнымъ день рожденія человѣка уже независимо отъ суммы того идейнаго блага, которую внесетъ въ общую міровую сокровищницу его послѣдующая жизнь. Но чѣмъ плодоноснѣе будетъ эта жизнь, чѣмъ шире раздвинется кругъ ея благотворнаго вліянія,—тѣмъ больше нравственныхъ побужденій къ благодарности Творцу за эту жизнь, тѣмъ больше не теоретическихъ уже, а реальныхъ основаній къ тому или другому торжеству въ честь ея.

Цѣнность и нравственное величіе жизни Господь измѣряетъ степенью участія человѣка въ исполненіи Божіихъ плановъ о немъ. Христосъ

Спаситель Самъ пришелъ „не нарушить законъ, но исполнить“ (Мѳ. V. 17). И отъ Своихъ послѣдователей Онъ требуетъ въ этомъ отношеніи не разрушительной, а творческой, созидательной работы: „иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ“ (Мѳ. V. 19). И если о тѣхъ, кто, подобно предателю Іудѣ, вноситъ въ жизнь начало разрушенія, расшатываетъ и ослабляетъ устои ея, а высшія цѣнности жизни продаетъ за сребренники, Спаситель говоритъ: *лучше было бы этому человѣку не родиться* (Матѳ. XXVI, 24); если день рожденія ихъ ничего не вызываетъ въ душѣ, кромѣ горькаго чувства, то, напротивъ, день рожденія всѣхъ, подъявшихъ на себя въ жизни крестъ христіанскаго подвига, крестъ служенія благу ближняго, является днемъ радости и торжества: *„и многіе о рожденіи ихъ возрадуются“* (Луки 1. 14). И это потому, что здѣсь жизнь находитъ посильное осуществленіе своихъ высшихъ задачъ, которыя всѣ, при всемъ ихъ видимомъ разнообразіи, могутъ быть сведены къ одному: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи“. (1 Петр. II, 15 — 16); „ибо воля Божія есть освященіе наше“ (1 Ѳес. IV, 3).

Возрадуемся же и возблагодаримъ Бога за то, что эти высшія христіанскія задачи жизни не чужды намъ. Онѣ какъ бы начертаны на знамени нашего православнаго вѣросознанія, живой исповѣдницей котораго является и сама Августѣйшая Виновница настоящаго праздника, и вся наша Русь Святая, православная. Аминь.

Путь и смыслъ человѣческой культуры.

(Рѣчь, произнесенная въ присутствіи г. Министра путей сообщенія С. В. Рухлова на молебнѣ по случаю 50-лѣтія Сѣверо-Западныхъ жел. дорогъ).

„Азъ есмь путь“ (Іоан. 14. 6).

Сегодня Управленіе Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, во главѣ съ высшими представителями Министерства путей сообщенія, празднуетъ 50-лѣтіе со дня открытія движенія по его линіямъ. Не мнѣ, скромному служителю Церкви, подробно и обстоятельно выяснять предъ этимъ высокимъ собраніемъ культурное значеніе настоящаго праздника: оно должно быть понятно здѣсь присутствующимъ работникамъ желѣзно-дорожнаго дѣла болѣе, чѣмъ кому-либо. Это ихъ праздникъ, это ихъ торжество. Торжество не только научной техники и административнаго таланта, но вмѣстѣ торжество свято исполненнаго служебнаго долга, торжество любви къ своему дѣлу, увѣнчавшейся успѣхомъ, торжество побѣжденныхъ препятствій. Однако, мы погрѣшили бы противъ исторической правды и незаслуженно сузили бы значеніе праздника, если бы ограничили его исключительно профессіональной средой.

Успѣхъ желѣзно-дорожнаго вѣдомства есть успѣхъ всей Россіи.

Не только экономическая, но на ряду съ ней вся государственная и общественная жизнь своимъ развитіемъ, своимъ расцвѣтомъ въ значительной степени обязана усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, побѣждающимъ не одно лишь пространство и время, но вялость и дряблость общественныхъ взаимоотношеній. Не даромъ сѣть желѣзныхъ дорогъ, такъ густо покрывающихъ теперь нашу страну, считается какъ бы жизненной артеріей ея, по которой изъ нашихъ центровъ распредѣляются культурныя и экономическія блага по всѣмъ, даже далекимъ окраинамъ нашей Родины.

И если бы этимъ только исчерпывалось все значеніе, весь смыслъ настоящаго торжества, какъ торжества внѣшней культуры, то и тогда велика была бы заслуга тѣхъ, которые приготовили намъ этотъ праздникъ, такъ много потрудившись надъ созданіемъ быстрыхъ и удобныхъ путей сообщенія и такъ много внеся сюда своего творчества, таланта, а вмѣстѣ съ этимъ и богатства техническихъ знаній.

Но расцѣнка историческихъ заслугъ желѣзнодорожнаго вѣдомства предъ Россіей своей отправной точкой должна имѣть не одни лишь внѣшне-культурные, экономическіе итоги. Здѣсь вполнѣ возможна другая, высшая, нравственная мѣрка заслугъ... Здѣсь имѣетъ законное право моральный критерій, моральный моментъ...

Конечно, вся сложная дѣятельность желѣзнодорожнаго вѣдомства содѣйствуетъ прежде всего матеріальному обогащенію страны, ея внѣшнему прогрессу и росту. Но не только въ Евангеліи, а и въ самой жизни хлопотливая, практическая Мареа и восторженная, полная небеснаго идеализма Марія остаются родными сестрами. Отложи

житейскія попеченія первая, не было бы, м. б., высокаго, неземного настроенія второй. Не хлопочи по хозяйству Мареа, можетъ быть, не сидѣла бы у ногъ Іисусовыхъ Марія. И нѣжный упрекъ Спасителя: *„Мареа, Мареа! Печешися и молвиши о мнозѣ“* — осуждаетъ не самую житейскую заботу, а только предпочтеніе, забвеніе ради нея высшихъ интересовъ и цѣлей жизни. Но, поставленное на своемъ законномъ мѣстѣ, „всякое житейское попеченіе“, всякое житейское творчество не только является исполненіемъ воли Божіей, заповѣдующей намъ: *„шесть дней дѣлай“*, но и обусловливаетъ собою служеніе *„единому на потребу“*. И въ этомъ смыслѣ дѣятельность желѣзно-дорожнаго вѣдомства пріобрѣтаетъ особенно высокій, идейный вѣсъ. Повышая продуктивность и энергію экономическихъ силъ страны, она тѣмъ самымъ создаетъ лучшія, благопріятнѣйшія условія для выполненія Евангельскихъ задачъ человѣческой жизни, даетъ средства для болѣе живого христіанскаго взаимообщенія, для подъема и роста общественнаго самосознанія, для накопленія тѣхъ нравственныхъ сокровищъ и силъ народнаго духа, которыя, воплощаясь въ нашу государственную мощь, дѣлаютъ исторію, но которыя, въ противномъ случаѣ, такъ непроизводительно расходуются, тратятся на примитивную борьбу за существованіе, на борьбу съ первобытными условіями чуждой какихъ-либо культурныхъ усовершенствованій жизни. Къ чести нашего Министерства путей сообщенія надо сказать, что оно не только косвенно содѣйствуетъ нравственному прогрессу и идейному обогащенію нашей страны, а идетъ къ этому и прямыми путями, не замыкаясь въ тѣсный кругъ своихъ

специальныхъ задачъ. Такими путями являются всѣ просвѣтительныя начинанія Министерства путей сообщенія, и въ числѣ ихъ, между прочимъ, желѣзно-дорожныя школы. Прокладывая пути сообщенія въ далекіе, нетронутые культурой медвѣжьи уголки русской земли, Министерство не забываетъ прокладывать въ то же время другіе пути непосредственно къ народному уму и сердцу, воспитывая въ учебныхъ заведеніяхъ своего вѣдомства подрастающія поколѣнія на великихъ и священныхъ завѣтахъ родной вѣры и исторіи. Мы знаемъ также, что при покровительственномъ отношеніи главнаго хозяина вѣдомства г. Министра на всѣхъ дорогахъ, а на Сѣверо-Западныхъ въ особенности, возникаютъ и умножаются въ числѣ трезвенныя организаціи, ставящія передъ собою задачу государственнаго значенія—оберегать русскую жизнь отъ того экономическаго и идейнаго расхищенія, какое вноситъ въ нее алкоголизмъ, сдѣлавшійся за послѣднее время зломъ міровымъ, международнымъ. Такимъ образомъ, завѣдуя путями сообщенія, желѣзно-дорожное вѣдомство не забываетъ обращать мысль и вниманіе подчиненнаго ему служебнаго персонала къ Тому, Кто является единственно истиннымъ Путемъ для общечеловѣческой исторіи и жизни и Кто открыто исповѣдалъ это почти предъ лиѳостротономъ римскаго судилища, сказавъ: *„Азъ есмь путь, истина и жизнь“*. Возблагодаримъ же Господа Бога за то, что Онъ почивалъ Своимъ благословеніемъ на успѣхахъ дѣятельности Министерства путей сообщенія и, въ частности, Управленія Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ за время его полувѣковой работы, и помолимся о томъ, чтобы историческій путь великодержавной Россіи въ

своемъ направленіи никогда не расходился съ Евангельскими завѣтами Христа Жизнодавца, къ Которому должны сходиться, въ концѣ концовъ, всѣ пути человѣческой культуры и жизни. Аминь.

Въ чемъ залогъ многолѣтія.

(Рѣчь, произнесенная въ присутствіи высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, митрополита Петроградскаго и Ладожскаго, членовъ Государственнаго Совѣта и Думы и членовъ „Постоянной комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ" предъ панихидой 31-го марта 1913 г.).

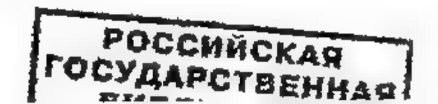
„Помысли о лѣтахъ прежнихъ родовъ" (Второз. 32, 7). „Чти отца... и долголѣтенъ будеши" (5 заповѣдь).

Сегодня „Постоянная комиссія по вопросу объ алкоголизмѣ", существующая при „Обществѣ охраненія народнаго здравія", празднуетъ 15-лѣтіе своей научной и просвѣтительной дѣятельности.

Въ послѣдующихъ рѣчахъ и докладахъ, вѣроятно, будутъ подведены итоги всей ея пятнадцатилѣтней академической работы и будетъ выяснено значеніе и общественный смыслъ настоящаго праздника. Мы же сейчасъ предваримъ наше торжество молитвеннымъ поминовеніемъ тѣхъ преждеотшедшихъ братій нашихъ, которые, въ качествѣ членовъ комиссіи, вложили въ дѣло научной разработки вопросовъ, связанныхъ съ алкоголизмомъ, свой трудъ, таланты и знанія и тѣмъ какъ бы предначали слагающуюся исторію нашего юбиляра, явившись, можетъ быть, главными виновниками и настоящаго праздника.

Какъ христіанство успѣхомъ и широтой распространенія христіанскихъ идей обязано Голгоѳскимъ мукамъ Своего Божественнаго Основоположника; какъ оно строило успѣхъ своего дѣла на крови мучениковъ, такъ и всякое идейное творчество двигается впередъ и созидаетъ свои успѣхи на самоотверженіи и подвигахъ своихъ первоначальниковъ. Имъ оно бываетъ обязано очень многимъ, такъ какъ первые шаги чаще всего опредѣляютъ все направленіе дальнѣйшаго движенія. И это налагаетъ на послѣдующихъ дѣятелей священный долгъ—сохранить навсегда благодарную, молитвенную память о тѣхъ, кому приходилось прокладывать первую борозду въ общей работѣ. Если поднимать цѣлину вездѣ не легко, если первая борозда тяжела на всякой рабочей полосѣ, то особенно это должно сказать въ примѣненіи къ трезвенному движенію, которое на своемъ пути встрѣчало особенно много препятствій и долгое время не пользовалось даже правомъ гражданства. Теперь алкоголизмъ успѣлъ вырасти въ страшное міровое, международное зло, и на борьбу съ собой вызываетъ всѣ живыя охранительныя силы каждой страны. Трезвенное движеніе, охватившее всю Европу, начинаетъ пробивать себѣ болѣе замѣтное русло и въ нашей русской общественной жизни. Къ тому же оно началось у насъ не вчера только.

Изъ исторической дали вѣковъ неумолчно звучалъ голосъ Церкви, призывая всѣхъ къ подвигу христіанскаго воздержанія. И не сухими, мертвыми, отвлеченными сентенціями учила Церковь чадъ своихъ этой добродѣтели. Она выдвигала предъ ними цѣлый рядъ „зовущихъ" образовъ, цѣлый сонмъ подвижниковъ благочестія,

изъ которыхъ каждый является для насъ не только *„правиломъ вѣры и образомъ кротости“*, но и *„учителемъ воздержанія“*. Какъ верстовые столбы, показывающіе дорогу,—эти просіявшіе въ подвигахъ угодники Божіи украшаютъ собою церковно-историческій путь православно-христіанскихъ народовъ и влекутъ всѣхъ въ направленіи пройденныхъ ими подвиговъ.

Но, къ сожалѣнію, голосъ Церкви часто оставался *„гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“*. Тѣмъ съ большей радостью церковные дѣятели должны привѣтствовать работу ученой мысли, направленную къ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Какъ ни широка и какъ ни почтенна практическая дѣятельность разнообразныхъ трезвенныхъ организацій,— но она очень нуждается въ научномъ обоснованіи своихъ положеній,—дабы вліяніе ея на всѣ стороны жизни было болѣе дѣйственнымъ и глубокимъ, и, между прочимъ, дабы идейный „нажимъ“ на законодательную власть съ цѣлью поворота ея въ сторону трезвеннаго движенія возможенъ былъ не только во имя религіозныхъ идеаловъ, но и во имя строгихъ, безстрастныхъ выводовъ и требованій точной науки.

Когда предъ обезумѣвшимъ отъ пьянства и испуга Валтасаромъ, въ самый разгаръ его пиршества, огненная рука начертала на стѣнѣ таинственныя письмена: „мене, текелъ, упарсинъ“, то потребовалась мудрость пророка Даніила, дабы прочесть и разгадать скрытый смыслъ этой непонятной никому надписи.

Таинственная рука жизни, какъ безстрастный отмѣтчикъ всѣхъ уклоненій человѣчества отъ установленныхъ Богомъ законовъ и нормъ, тоже

чертитъ предъ нами роковой приговоръ. Не на мертвой стѣнѣ, а на живыхъ скрижаляхъ печальной дѣйствительности кровавыми цифрами отмѣчаетъ она итоги разрушительной работы алкоголизма. Но, чтобы понять этотъ краснорѣчивый языкъ ужасныхъ цифръ, чтобы прочитать эти кровавые іероглифы, нужна особенно зоркая, научная мысль, которая не только всесторонне, съ объективнымъ безпристрастіемъ освѣщаетъ, выясняетъ вопросъ объ алкоголизмѣ, но которая, пользуясь статистическими данными, авторитетно и указываетъ на весь реализмъ грядущей отъ него опасности.

Почившіе члены комиссіи, предъ которыми открылась теперь вѣчная жизнь съ ея высшими измѣреніями, постигаемая ими уже не кропотливыми вычисленіями и выкладками, а непосредственнымъ созерцаніемъ,—во время своего земного поприща много поработали надъ рѣшеніемъ разныхъ проблемъ науки и жизни. И, въ частности, въ общей сокровищницѣ научныхъ данныхъ и статистическихъ выводовъ по вопросу объ алкоголизмѣ очень большая часть ученаго вклада принадлежитъ имъ. Пусть же вѣчная память сохранитъ намъ навсегда не только имена, но и дорогіе образы этихъ первыхъ работниковъ „Постоянной комиссіи". Пусть ихъ ученые труды послужатъ для насъ не только цѣннымъ матеріаломъ, но и одушевляющимъ завѣтомъ, призывающимъ насъ съ самоотверженіемъ работать надъ дѣломъ отрезвленія родного русскаго народа, дабы сберечь, сохранить творческія силы его, столь нужныя какъ въ государственномъ, такъ и церковно-культурномъ строительствѣ. И тогда „вѣчная память" о почившихъ членахъ

„Постоянной комиссіи“ и ихъ ученыхъ трудахъ, свято хранимая послѣдующими дѣятелями, будетъ вѣрнымъ залогомъ „многихъ лѣтъ“ жизни и продуктивной дѣятельности для самого юбиляра. Аминь.

У истоковъ жизни.

(Рѣчь, произнесенная въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества, Августѣйшей Покровительницы Общества „Врачебная Помощь", Великой Княгини Ольги Александровны, предъ молебномъ на освященіи Яслей, открытыхъ Обществомъ 3-го декабря 1913 года).

Ваше Императорское Высочество!

Общество „Врачебная Помощь", новое учрежденіе котораго мы освящаемъ сейчасъ церковною молитвою, вѣдаетъ то, что у насъ принято называть *изнанкой* жизни... Оно читаетъ самую скорбную страницу ея.

Вдохновляемое своей Августѣйшей Покровительницей и направляемое идейными руководителями, которые вкладываютъ въ это дѣло всю свою душу, Общество своей дѣятельностью спускается въ самые мрачные и темные углы жизни, прикасается къ язвамъ, отъ которыхъ такъ часто мы любимъ отвлекать наше вниманіе въ сторону болѣе свѣтлыхъ, радостныхъ и успокаивающихъ тоновъ жизни... И сюда, на эти раны болящія, Общество, съ милосердіемъ Евангельскаго самарянина, льетъ цѣлящій бальзамъ утѣшенія и врачебной помощи.

Какъ дѣло, рожденное глубокимъ порывомъ христіанской любви, Общество растетъ и съ каж-

дымъ годомъ все больше и больше расширяетъ свою дѣятельность. Врачуя раны, которыя наносятъ народному здоровью своимъ ядомъ гнилыя болѣзни, Общество чрезъ организацію разумной помощи дѣтямъ столичныхъ окраинъ вступаетъ на путь болѣе радикальной борьбы съ бичами человѣчества. Теперь оно рѣшило подрубать самые корни этихъ страшныхъ, опустошающихъ болѣзней, охраняя своей заботой нѣжный младенческій возрастъ. Склоняясь съ любовію надъ несчастными, уже израненными жизнію, оно склонилось теперь надъ дѣтской колыбелью, чтобы своевременной помощью предотвратить здѣсь возможность новыхъ заболѣваній.

Кто знаетъ, какія могучія силы и сокровища таитъ въ себѣ этотъ дѣтскій таинственный міръ, являющійся какъ бы запаснымъ капиталомъ нашего государственнаго строительства!

Здѣсь, въ этихъ младенческихъ ясляхъ, покоится будущая Россія!

Около нихъ завивается новая жизнь, зараждается новый наклонъ ея и, можетъ быть, закладываются новыя основы нашей дальнѣйшей слагающейся исторіи. И отсюда понятна вся законность повышеннаго и тревожнаго вниманія къ дѣтскому возрасту.

Естественнымъ плодомъ такого вниманія и являются эти дѣтскія ясли, открываемыя Обществомъ почти наканунѣ того великаго праздника, радость котораго тѣсно связана съ поклоненіемъ Виѳлеемскимъ яслямъ Богомладенца. Вѣчный Богъ, открываясь въ условіяхъ тварной ограниченности, не для того-ли и возлегъ Богомладенцемъ въ скотскихъ ясляхъ Виѳлеемской пещеры, чтобы освятить младенческій возрастъ и прико-

вать къ нему особенную любовь и вниманіе всего человѣчества.

Молитвенно привѣтствуя вхожденіе Вашего Императорскаго Высочества въ этотъ пріютъ дѣтской любви и ласки, мы всѣ — члены покровительствуемаго Вашимъ Высочествомъ Общества одушевлены сейчасъ однимъ общимъ желаніемъ и мыслію: надъ освящаемымъ нынѣ новымъ учрежденіемъ Общества и надъ тѣмъ дѣломъ его, въ которомъ такъ трогательно сочетались христіанское милосердіе и врачебная наука, да пребываетъ благословеніе Божіе всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Урокъ любви.

(Слово, произнесенное передъ гробомъ Высокопреосвященнаго Антонія, Митрополита Петроградскаго, за литургіей, совершенной Членами Св. Синода въ воскресенье, 4-го ноября 1912 г., въ соборѣ Александро-Невской лавры).

„Возлюби Господа Бога твоего... и ближняго твоего... такъ поступай, и будешь жить". (Луки 10, 27—28).

Въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи мы выслушали Божественный урокъ о любви, какъ основномъ началѣ или принципѣ жизни,—такъ сказать, источномъ родникѣ ея,—преподанный Христомъ Спасителемъ законнику, а въ лицѣ его всему человѣческому роду. Когда законникъ на вопросъ Господа прочиталъ слова закона: „возлюби Господа Бога Твоего... и ближняго твоего... *Іисусъ сказалъ ему*: такъ поступай *и живъ будеши*". (Луки 10, 27—28). А въ разсказанной затѣмъ Евангельской притчѣ о милосердомъ Самарянинѣ Христосъ Спаситель съ жизненной картинностью изобразилъ и самое дѣйствіе любви въ человѣческомъ мірѣ. Онъ показалъ, какъ эта любовь созидаетъ человѣческое общество, нравственно сближая членовъ его; какъ она входитъ въ міръ побѣдной силой, расширяя самое начало жизни и давая ей самыя нѣжныя, теплыя краски.

И основанная Христомъ Церковь близко къ сердцу приняла Божественный завѣтъ своего Основателя. Она не стала на путь ветхозавѣтнаго священника и левита. Она осудила ихъ равнодушіе, а урокъ Евангельской притчи ввела, какъ норму, въ широкое теченіе своей церковно-общественной жизни. Она хотѣла, чтобы духъ милосердаго самарянина царилъ во взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ. И, повидимому, не случайно на фонѣ Евангельской картины проходятъ предъ нами ветхозавѣтные блюстители закона—священникъ и левитъ. Завернувшись къ тогу мертвой законнической праведности, они неуклонно идутъ своей дорогой, равнодушно минуя „впадшаго въ разбойники".

Не хотѣлъ-ли здѣсь Пастыреначальникъ нашъ Христосъ показать, какъ отсутствіе духа милосердаго Самарянина обездушиваетъ, лишаетъ нравственной красоты и силы даже самихъ стражей закона? А съ другой стороны, не хотѣлъ-ли Онъ влить въ сознаніе христіанскаго міра новую мысль и убѣжденіе, что любовь милосердная есть сердце, самый жизненный нервъ новозавѣтнаго пастырства, что каждый пастырь христіанскій долженъ идти въ жизни не своей дорогой, а тѣмъ путемъ, который проложилъ Христосъ Спаситель отъ Виѳлеемскихъ яслей до Голгоѳы, указавъ на Себя, какъ на Путь, Истину и Жизнь (Іоан. 14, 6).

Не этой-ли любовію запечатлѣна вся исторія домостроительства нашего спасенія? Не склонилось-ли, какъ милосердый Самарянинъ „надъ впавшимъ въ разбойники", и Святѣйшее Небо надъ грѣшной землей?! Не явился-ли дѣломъ снисходящей любви безпримѣрный фактъ воплощенія Сына Божія, снисшедшаго съ неба на землю, дабы

спасти изъязвленное грѣхомъ человѣчество. И не эту-ли мысль выражаетъ св. Церковь, когда поетъ: „Царь Небесный *за человѣколюбіе* на земли явися и съ человѣки поживе".

Дѣйствительно, не столько силой божественнаго всемогущества, сколько силой любви распятаго Голгоѳскаго Страдальца былъ спасенъ человѣческій міръ. И эта міровая жертва была плодомъ любви къ міру Самого Бога любви: „*Богъ есть любовъ*" (1 Іоан. 4. 16) и „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную" (Іоан. 3, 16).

Такимъ образомъ, любовь не была отвлеченно-выраженнымъ, теоретическимъ принципомъ. Получивъ полное историческое воплощеніе въ образѣ Богочеловѣка, она свѣтила и грѣла потомъ человѣческій міръ во всѣ моменты христіанской исторіи въ лицѣ цѣлаго сонма носителей и подвижниковъ этого великаго животворящаго начала. Предъ благоговѣйнымъ сознаніемъ вѣрующаго обозрѣвателя судебъ Церкви Христовой выростаетъ цѣлая историческая галлерея такихъ священныхъ образовъ, въ которыхъ любовь явила силу на всѣхъ ступеняхъ человѣческой жизни. Любовь дала не только историческое безсмертіе, но и вѣчную жизнь множеству тѣхъ „немощныхъ", „немудрыхъ" и „худородныхъ міра, которыхъ избралъ Господь, дабы посрамить мудрыхъ и знатныхъ" (1 Кор. I, 21). И эту любовь особенно громогласно проповѣдывала Церковь на пространствѣ всей своей многовѣковой исторіи. Къ этой любви призываетъ насъ и святый апостолъ Павелъ въ сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи. Изъ римскихъ узъ, изъ мрачной римской темницы, рукой, закованной въ кан-

далы, и какъ бы кровью апостольскаго сердца апостолъ пишетъ въ посланіи къ Ефесянамъ: *„я, узникъ о Господѣ, умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостью, и долготерпѣніемъ, снисходя другъ къ другу любовію“*. (Еф. 4, 1—2).

Наконецъ, живой урокъ такой любви мы слышимъ сегодня уже не изъ римской темницы, а изъ сего предлежащаго намъ гроба, въ которомъ опочилъ вѣчнымъ сномъ нашъ незабвенный первосвятитель и учитель любви.

Можетъ быть, чтобы этотъ урокъ вышелъ полнѣе и нагляднѣе, мы должны бы начертать во всемъ величіи нравственный обликъ почившаго?! Но намъ-ли своимъ бѣднымъ, немощнымъ словомъ живописать этотъ образъ?! Да и время-ли теперь, когла наши сердца разрываются отъ скорби, подходить съ холоднымъ анализомъ къ нравственной оцѣнкѣ личности нашего святителя?!

Его дивный и свѣтлый образъ живъ. Онъ непосредственно чувствуется, ощущается нами и какъ бы витаетъ сейчасъ въ настоящихъ нашихъ переживаніяхъ скорби,—скорби глубокой и острой, готовой излиться цѣлыми потоками слезъ. Кто не видитъ, какое горькое чувство переживаетъ теперь православно-вѣрующее населеніе нашей столицы...

Осиротѣла Петроградская паства. Въ лицѣ почившаго архипастыря она, дѣйствительно, потеряла своего отца, съ которымъ была связана кровными узами самаго тѣснаго духовнаго родства, къ которому питала чувства самой нѣжной и искренней любви.

Но не за то только любили мы тебя, дорогой нашъ святитель, что ты благостнымъ окомъ взиралъ

на наши немощи и недостатки. Мы любили тебя за твою преданность и любовь къ Церкви Христовой, за твое самоотверженное служеніе ей, за твою ревность о ея величіи и неземной красотѣ, за твою беззавѣтную готовность пожертвовать всѣмъ ради славы Церкви, которую Господь „стяжалъ кровію Своею“ (Дѣян. 20, 28).

Въ нашей православно-русской иконописи есть образъ святителя и чудотворца Николая, гдѣ этотъ столпъ вѣры изображенъ держащимъ въ одной рукѣ храмъ, а въ другой обнаженный мечъ. Здѣсь Церковь картинно, въ конкретномъ образѣ выразила свой взглядъ на задачи епископскаго служенія. Епископъ дѣйствительно призванъ мечомъ слова Божія и духовной ревности ограждать чистоту церковныхъ понятій и святость идеаловъ Церкви отъ натиска враждебныхъ ей силъ. И мы знаемъ, дорогой нашъ святитель, съ какимъ достоинствомъ стоялъ ты на этой „божественной стражѣ“. Ты былъ воистину ангеломъ врученной твоему управленію паствы. Какъ приставленный къ дверямъ рая съ пламеннымъ оружіемъ Херувимъ, ты, архипастырь Божій, хранилъ и берегъ священную высоту и чистоту небесныхъ идеаловъ Церкви, ты защищалъ ея достоинство и честь. Ты самъ вѣрилъ въ ея благодатную жизненность и непобѣдимость,—и насъ научилъ выше всего чтить ее, свято хранить ея достояніе, и ни за какіе „сребренники“ или „чечевичную похлебку“ не продавать ея первородства среди другихъ цѣнностей жизни. Какъ милосердый Самарянинъ, ты самъ влекъ и насъ побуждалъ привлекать всѣхъ, разбойнически изъязвленныхъ жизнію міра сего, въ ту евангельскую „гостиницу“, какой является Церковь съ ея благодатно врачебными

и цѣлящими силами. Въ служеніи Церкви, въ преданности ея завѣтамъ какой яркій образецъ христіанской любви далъ ты намъ своею жизнію! Ты все принесъ ей въ жертву. Ты все сложилъ къ подножію алтаря Господня.

„Архіерей не имѣетъ своей личной жизни, жизни для себя,—писалъ ты въ предисловіи къ изданному сборнику своихъ рѣчей и поученій, который навсегда останется теперь для насъ живымъ памятникомъ твоего ревностнаго служенія Слову,—но онъ живетъ жизнію Церкви, посвящая свою жизнь спасенію другихъ, въ жизни которыхъ и заключаются его радости и невзгоды".

Это—твоя исповѣдь. Но это и твоя жизнь. Не здѣсь-ли тайна той духовной красоты твоей, которой ты привлекалъ къ себѣ сердца многихъ! Твоя мысль всегда витала въ небесныхъ сферахъ. Вѣчность была родной стихіей для твоего ума и сердца. И всѣ явленія и событія жизни ты расцѣнивалъ не съ точки зрѣнія момента, хотя бы исторически и важнаго, а отъ лица вѣчности. Ея принципы, ея начала полагалъ ты и въ основу своихъ отношеній къ людямъ.

И все, что попадало въ лучи этого *„присносущнаго свѣта Христова"*, *„просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ"*, — все это было близко твоему сердцу, все было дорого для тебя. Вотъ гдѣ источникъ твоего широкаго христіанскаго міросозерцанія! Вотъ чѣмъ опредѣлялись единство и цѣльность твоихъ настроеній!

Ты умеръ для этого міра гораздо раньше, чѣмъ возлегъ въ этотъ гробъ... Всѣ блага земныя, вся прелесть мірская отслаивались, отмирали отъ твоего сложившагося настроенія, какъ шелуха отъ созрѣвшаго плода. Потому-то и въ твоемъ вдум-

чивомъ словѣ, и во всей обстановкѣ твоего жизненнаго быта, и въ каждомъ проявленіи святительскаго такта чувствовалась иноческая собранность и выдержанность аскетическаго духа. Потому-то также—соприкасался-ли ты съ верхними слоями нашего общества, спускался ли любовію своею до несчастныхъ героевъ печальнаго образа, поверженныхъ на самое дно нашей общественной жизни,—всегда въ обращеніи съ людьми отличали тебя величавая серьезность и священная простота.

И широко лились въ окружающую темь жизни мягкіе, согрѣвающіе лучи отъ твоей высокой нравственной личности.

Какъ евангельскій Самарянинъ, ты охотно склонялся надъ каждымъ человѣческимъ страданіемъ, ты мужественно и смѣло шелъ въ самые смрадные и темные углы нашей жизни, разъ только дѣло касалось спасенія души человѣческой.

Сколько разъ твоя святительская рука, какъ рука Мѵрликійскаго милостивца и чудотворца Николая, отводила мечъ правосудія, уже занесенный надъ головою преступника. Сколько разъ являлъ ты свой ободряющій святительскій ликъ среди умирающихъ во время холерной эпидеміи. Сколько ласки и нѣжности вносилъ ты въ эти пріюты страданій и человѣческихъ скорбей. Согрѣвающій свѣтъ твоей архипастырской любви проникъ даже въ темныя узилища Шлиссельбурга и внесъ сюда примиряющій лучъ христіанскихъ упованій.

Казалось, что ты владѣешь какой-то особенной силой, которая не доступна другимъ,—силой великаго чуда—воскрешать мертвыя души, оживлять окаменѣвшія сердца. Какъ ветхозавѣт-

ный вождь народа еврейскаго ударомъ жезла своего извлекъ изъ каменной скалы струю живой воды, такъ и ты, но не тяжелымъ жезломъ своей власти, а мягкимъ, любовнымъ прикосновеніемъ къ самому зачерствѣлому человѣческому сердцу умѣлъ извлекать изъ него живые, свѣтлые, возрождающіе порывы... Ты рождалъ въ насъ пастырскій духъ и отъ своего святительскаго сердца умѣлъ зажигать насъ огнемъ пастырской ревности...

Со временемъ, когда пора твоей жизни и дѣятельности отойдетъ въ историческую глубь,—всѣ отдѣльныя черты твоей личности сложатся въ опредѣленный, законченный, величавый историческій образъ, окруженный нѣжнымъ ореоломъ твоего великаго смиренномудрія! И вдвинется этотъ образъ въ панораму родной намъ исторіи, какъ одинъ изъ свѣтлыхъ ея моментовъ. И останется онъ памятнымъ здѣсь навсегда. На немъ сбудется пророчество церковнаго стиха: „въ память вѣчную будетъ праведникъ".

Уже сейчасъ мы видимъ, какъ широко раскрылось сердце народное, чтобы воспріять этотъ образъ. Народъ вѣрнымъ чутьемъ своимъ предугадалъ, какое нравственное величіе имѣли мы въ лицѣ почившаго Владыки Митрополита Антонія. Смотрите, какъ всколыхнулось народное море! Смотрите, какими могучими всплесками отвѣчаетъ оно на тотъ грозный громовой ударъ, какимъ явилась для всѣхъ насъ смерть любимаго Архипастыря! Смотрите, какимъ неизсякаемымъ, широкимъ потокомъ льется къ гробу святителя народъ, дабы облобызать его хладную руку.

Но на почившемъ Архипастырѣ исполнится и обѣтованіе Спасителя, данное Имъ въ сегодняш-

немъ евангельскомъ чтеніи вопрошавшему о путяхъ *вѣчной жизни* законнику: «возлюби... и *живъ* будеши» (Луки 10, 27—28). Такъ много любившій и такъ долго учившій насъ любви Первосвятитель не только останется вѣчно живымъ въ памяти народной, но онъ „пріискреннѣ пріобщится“ къ самому Источнику вѣчной жизни и безсмертія; ибо „пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ“ (I Іоан. 4. 16), Который есть не только „Путь“, „Истина“, но и „*Жизнь*“ (Іоан. 14. 6).

И какіе великіе завѣты даетъ величавый образъ почившаго Святителя грядущимъ поколѣніямъ,—завѣты, особенно цѣнные сейчасъ, на знаменательномъ перегибѣ нашей исторіи!

Въ церковномъ сознаніи уже давно бродитъ и зрѣетъ мысль о разныхъ преобразованіяхъ въ самомъ строѣ нашей Церкви до патріаршества включительно. И казалось бы,—кого же и облечь высокимъ саномъ патріарха, кого-же и вѣнчать этой славой, какъ не того, кто чрезъ возложеніе своихъ святительскихъ рукъ поставилъ на чреду епископскаго служенія такое множество епископовъ и чрезъ то въ буквальномъ смыслѣ сдѣлался духовнымъ ихъ родоначальникомъ?!

Но ты, великій нашъ Первосвященникъ, не воспріялъ этого величія въ нашей воинствующей Церкви. Ты отошелъ въ лоно ветхозавѣтныхъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова; ты пріобщился къ лику Церкви торжествующей. И оттуда, съ высоты небеснаго величія, ты какъ бы вѣщаешь намъ: стремитесь къ вѣчному, любите Церковь, храните ея чистоту, поддерживайте ея велелѣпіе, возвеличивайте ея красоту... Пусть стоитъ она, какъ невѣста Христова, „рясны златыми преукрашенная и пріодѣянная“...

Но помните, что истинное величіе Церкви не во внѣшнемъ блескѣ, а въ полнотѣ ея жизни и благодатныхъ силъ... И подъ золотымъ покровомъ пышнаго благолѣпія, царственнаго господства, и подъ жалкимъ рубищемъ гонимой мученицы— Церковь прежде всего должна хранить свое главное сокровище, свое настоящее, неподдѣльное золото,—это живой, созидающій духъ евангельской любви... Лейте же этотъ цѣлящій бальзамъ на язвы народной души, которая, какъ „впавшій въ разбойники", лежитъ при дорогѣ жизни—забытая и истерзанная... Врачуйте пастырской любовію ея грѣховныя раны... Внимательно и чутко вслушайтесь въ этотъ урокъ, который даетъ всѣмъ намъ сегодня святый Апостолъ Павелъ въ недѣльномъ апостольскомъ чтеніи. „Поступайте достойно своего званія, въ которое вы призваны, со всякимъ смиренномудріемъ, и кротостью, и долготерпѣніемъ, снисходя другъ ко другу любовію, стараясь сохранить единство духа въ союзѣ мира. Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ" (Ефес. 4, 1—6). Аминь.

Божья милость и царская милость.

(Слово, произнесенное въ Исаакіевскомъ соборѣ за служеніемъ Владиміра, митрополита Петроградскаго и Ладожскаго, и членовъ Святѣйшаго Сѵнода).

„Какъ отецъ милуетъ сына, такъ милуетъ Господь боящихся Его" (102 пс. 13).
Милость и истина охраняютъ царя, и милостію онъ поддерживаетъ престолъ свой (Прит. 20. 28).

День 17-го октября является особенно знаменательнымъ въ исторіи царственной Россіи. Это, во-первыхъ, день, когда 25 лѣтъ тому назадъ, предъ глазами всего міра, совершилось великое чудо милости Божіей, спасшей Августѣйшую Семью Царствующаго Дома отъ явной, неминуемой гибели. Во-вторыхъ,—это день, когда великодержавный Хозяинъ земли Русской, въ своихъ Царственныхъ заботахъ о процвѣтаніи врученнаго ему Богомъ государства, явилъ Царскую милость людямъ Своимъ, призвавъ лучшихъ сыновъ и представителей народа,—мужей совѣта, разума и нравственной крѣпости,—къ участію въ законодательномъ строительствѣ русской государственной жизни. Совпаденіе воспоминаній объ этихъ событіяхъ, знаменующихъ собою Божію и Царскую милости и раздѣленныхъ сравнительно

большимъ промежуткомъ времени, не является только случайнымъ и внѣшнимъ. Между ними усматривается болѣе глубокая, живая и внутренняя связь, особенно если мы въ основу своего взгляда на нихъ положимъ тѣ начала христіанскаго жизнепониманія, которыя намѣчаются св. апостоломъ Павломъ въ сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи (XIX нед. четвергъ).

Здѣсь апостолъ, предостерегая Филиппійцевъ отъ *«псовъ, злыхъ дѣлателей и обрѣзанія»* (III, 2), говоритъ объ условіяхъ нашего спасенія и залогъ его видитъ не во внѣшнихъ преимуществахъ, не въ происхожденіи отъ Авраама и, вообще, не въ той или другой генеалогіи, не въ томъ или другомъ общественномъ положеніи или устройствѣ: *„все это,* пишетъ апостолъ, *я почитаю тщетою ради превосходства познанія Іисуса Христа Господа моего. Для Него я отъ всего отказался и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа"* (Филип. 3, 8).

Вотъ на какую высокую точку зрѣнія поднимаетъ апостолъ человѣческую мысль! Вотъ какую, истинно христіанскую основу для расцѣнки всѣхъ событій и явленій человѣческой жизни даетъ онъ! Вотъ что должно быть вѣнцомъ исторической дѣятельности царствъ и народовъ!

Съ идейной высоты этого выдвигаемаго апостоломъ принципа мы и должны смотрѣть на всѣ цѣнности міра, а, слѣдовательно, и на тѣ событія нашей государственной жизни, память о которыхъ связана съ днемъ 17 октября. Только съ устанавливаемаго здѣсь апостоломъ критерія христіанская мысль и можетъ расцѣнивать эти событія, опредѣлять ихъ истинное значеніе и жизненный смыслъ.

Несомнѣнно, — фактомъ громадной исторической важности явился Царскій Манифестъ, Божіею милостію открывшій выборнымъ отъ народа свободный входъ въ палату государственнаго разума, давшій имъ возможность безпрепятственно понести къ подножію Державнаго Трона народныя боли и нужды. Державная власть получила чрезъ это возможность изъ сокровищъ народнаго ума, народнаго опыта щедро черпать указанія, которыми направлялось бы дальнѣйшее теченіе общегосударственной жизни.

По мысли и волѣ Монарха, народъ, призванный сказать чрезъ выборныхъ свое народное, мудрое слово въ дѣлѣ обсужденія законовъ, долженъ своей народной совѣстью и своимъ живымъ непосредственнымъ знакомствомъ со всѣми сторонами нашего общественнаго быта освѣтить темные, затаенные уголки жизни. И всѣ надѣялись, да и до сихъ поръ ожидаютъ, что съ вершинъ народной мысли, народнаго совѣта блеснутъ сіяющія правдой законоположенія, которыя будутъ отображать на себѣ духъ законовъ, снесенныхъ нѣкогда съ дымящихся вершинъ Синая. Войдя въ жизнь, такія законоположенія несомнѣнно повысятъ всѣ жизненныя силы страны, создадутъ ея экономическое благосостояніе, а также укрѣпятъ политическое могущество и крѣпость русскаго государства.

Но было бы большимъ заблужденіемъ со стороны народа, если бы онъ въ своемъ творчествѣ понадѣялся лишь на свои собственныя силы и забылъ, что „*Господомъ утверждаются стопы мужа*" (Пс. 36. 23), а тѣмъ болѣе историческія судьбы народовъ. Было бы измѣной предъ родной исторіей, если бы онъ оторвался отъ того религіознаго сознанія,

которое воспитывало нашихъ предковъ въ убѣжденіи, что *безъ Бога ни до порога*, что *„аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи, аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій“* (Пс. 126).

И эта вѣра въ помогающую десницу Всевышняго, промышляющаго о царствахъ и народахъ, поставляющаго ихъ на пути исторической славы, а *„за премногія беззаконія“* низвергающаго ихъ и какъ бы стирающаго, *„истребляющаго самую память ихъ“* со скрижалей исторіи, находитъ подтвержденіе въ той катастрофѣ, вѣсть о которой 25 лѣтъ тому назадъ такъ глубоко потрясла Русь Святую отъ края и до края.

Картина, гдѣ Царская Семья осталась „цѣла, здрава и невредима“ среди общаго разрушенія, гибели и смерти, гдѣ шумъ дождя, свистъ вѣтра, стоны умирающихъ и обезображенные, искалѣченные трупы убитыхъ слились въ какой-то дикій, ужасный кошмаръ,—эта картина даетъ впечатлѣніе, что Всемогущая Десница Всевышняго исторгла жизнь Царственной Семьи изъ самыхъ челюстей смерти. Все, чѣмъ только располагаютъ теперь естественныя силы человѣка и современная желѣзно-дорожная техника, дабы сдѣлать путешествіе удобнымъ и безопаснымъ, было здѣсь налицо. И, однако, приведенныя въ особое напряженіе эти естественныя человѣческія усилія,—предусмотрительность, забота, служебный долгъ и талантъ,—не въ состояніи были предотвратить опасность. Нужна была особая, сверхъестественная сила Божія, помощь Всевышняго, чтобы *„спасти Царя“*...

Не указывается-ли этимъ, въ Чьихъ рукахъ

жизнь какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Не побуждаетъ ли это насъ обращать свой вѣрующій взоръ къ Господу, стоящему на стражѣ успѣховъ и безопасностей человѣческой жизни во всѣхъ ея историческихъ проявленіяхъ... Не говоритъ ли это о томъ, Чья воля должна опредѣлять эту жизнь. И не налагаетъ ли это на насъ долгъ „познавать всегда благую и совершенную волю Божію" (Еф. V. 11) и въ основу законодательнаго творчества страны ставить Законъ Божій: «*потому что*», пишетъ св. апостолъ въ сегодняшнемъ чтеніи, *мы—служащіе Богу духомъ и хвалящіеся Христомъ Іисусомъ, а не на плоть надѣющіеся*" (Филип. 3, 3). И мы никогда не должны забывать грозное слово пророка: «*аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте, аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ*» (Ік. 1. 19). А потому, пользуясь милостью Царской, не будемъ забывать милость Божію, которую подаетъ Господь только вѣрующимъ во имя Его, ибо только «*взыскующимъ Его мздовоздатель бываетъ*» (Евр. 11. 6). Устроя свое земное царство, создавая и блюдя его законы, напрягая государственное творчество во всю ширь дарованной свободы, не будемъ забывать о Царствѣ Божіемъ, не будемъ забывать о той свободѣ, которая дается познаніемъ Сына Божія. Онъ есть «*Путь, Истина и Жизнь*» для всѣхъ людей и для всѣхъ народовъ. И только Онъ указалъ намъ дѣйствительный путь къ настоящей, а не призрачной свободѣ, говоря: «*Познайте Истину, и Истина сдѣлаетъ васъ свободными*». (Іоан. 8. 32).

И то, что Господь явилъ милость Своего благоволенія именно Православному Царю нашему,

не говоритъ ли о томъ, сколь любезна Господу Богу Православная Держава Царская, освящающая свои царственные доспѣхи молитвами основанной Господомъ Церкви! А это налагаетъ на насъ долгъ хранить въ чистотѣ великое и главное сокровище наше—вѣру Православную, а вмѣстѣ съ этимъ и вѣрность Православному Царю... Это—непремѣнное условіе, это—главный залогъ благоденственнаго и мирнаго житія нашего, а также главный залогъ и спасенія нашего во Христѣ Іисусѣ...

Не *„на плоть“* мы уповаемъ, не на новыя формы политической жизни и гражданственной зрѣлости, но *„на Бога жива, дающаго намъ вся обильно къ наслажденію“* (I Тим. 6, 17). Въ познаніи Его—тайна всякой жизненности... Это познаніе — источникъ и жизни государственной, источникъ всякаго творчества въ ней, облагораживающаго и поднимающаго человѣчество. „Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, Единаго истиннаго Бога, и Его-же послалъ еси Іисуса Христа“ (Іоан. XVII, 3)... А потому все, что не приближаетъ насъ къ этому познанію, все это, по апостолу, должно быть *„тщетою“* и *„соромъ“*, который мы тщательно должны выметать изъ всѣхъ угловъ нашей жизни... Права же гражданской свободы и блага государственнаго творчества тогда только пріобрѣтаютъ истинную цѣну и значеніе, если они не лишаютъ насъ другого высшаго права,—права быть гражданами *Сіона Небеснаго,* куда должна имѣть конечное устремленіе исторія каждаго христіанскаго, а тѣмъ болѣе православнаго народа.

Пусть же мысль объ этомъ Сіонѣ яркой путеводной звѣздой горитъ передъ общественнымъ

самосознаніемъ русскаго народа. Путеводимые ею, мы не собьемся со своей исторической національной дороги, и всякое наше строительство будетъ тогда строительствомъ во славу Божію, а не суетнымъ строительствомъ Вавилонской башни. Аминь.
